

НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС И ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

© 2009 г. В. Папава

С начала перехода государств бывшего социалистического лагеря к рыночной экономике прошло почти 20 лет. Можно констатировать, что не все прошли этот период с одинаковым успехом. Хотя рыночная экономика как таковая создана почти во всех странах (быть может, за исключением Белоруссии), в проведении реформ одни преуспели настолько, что им удалось стать членами ЕС, зато другие оказались в плену ими же построенного посткоммунистического капитализма. Попытаемся рассмотреть сущность и особенности посткоммунистического капитализма как специфической формы современного капитализма вообще, уделив особое внимание проблемам, которые проявились в контексте нынешнего финансового кризиса¹.

НАСЛЕДИЕ КОМАНДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Суть посткоммунистического капитализма предопределяется наследием его непосредственной предшественницы – командной экономики, которая, как известно, по своей природе исключала конкурентные отношения в любых формах их проявления. Большинство стран с такой экономикой были объединены в единое экономическое пространство. Его главной институциональным механизмом был Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), который просуществовал около 40 лет и в рамках которого действовали специально созданные координационные органы. Сотрудничество со странами рыночной экономики осуществлялось в весьма ограниченных масштабах и строго регулировалось государством.

ПАПАВА Владимир, доктор экономических наук, член-корреспондент НАН Грузии, главный научный сотрудник Института экономики им. П. Гугуцивили (papavavladimer@papava.info).

¹ См.: Coates D. *Models of Capitalism: Growth and Stagnation in the Modern Era*. Malden, 2000; *Political Economy of Modern Capitalism: Mapping Convergence & Diversity*. С. Crouch, W. Streeck (eds.). L., 1997; Gwynne R.N., Klak T., Shaw D.J.B. *Alternative Capitalisms. Geographies of Emerging Regions*. L., 2003; Hall P.A., Soskice D. *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford, 2001; В. Папава, Т. Беридзе. Очерки политической экономики посткоммунистического капитализма (опыт Грузии). М., 2005; Кеннеди М., Иген Э. Посткоммунистический капитализм и переходная культура в Грузии // *Кавказ & Глобализация*. 2007. Т. 1 (2).

Отрицание конкуренции уничтожало единственный действенный стимул экономического развития, в результате чего производилась низкокачественная продукция, цена которой была искусственно занижена за счет дотаций из государственного бюджета.

На основе изучения и обобщения основных черт экономической системы, сформировавшейся при коммунистическом режиме в Польше, А. Липовски сделал вывод о том, что хотя обычно экономисты делят государства мира на “развитые” и “развивающиеся” (*developed* и *developing*), страны с командной экономикой фактически не могут быть отнесены ни к одной из этих двух категорий. Для их характеристики польский исследователь предложил использовать термин “страны, находящиеся на ошибочном пути развития” (*misdeveloped*)². Для хозяйств таких стран, по его мнению, характерны следующие черты:

- высокая доля промышленности в ВВП при низкой доле внутренней и внешней торговли, а также сферы услуг;

- чрезмерная часть промышленного производства приходится на производство средств производства в ущерб выпуску товаров потребительского назначения;

- крайне низок объем производства продукции, конкурентоспособной на международном рынке;

- в широких масштабах выпускаются фактически ненужные потребителю товары;

- чрезмерно высока доля устаревшей продукции в промышленном производстве.

Экономику такого типа можно квалифицировать как *некроэкономику*. Наиболее близким к этому понятию по смыслу является широко употребляемый термин “виртуальная экономика”³. Развивая такую логику анализа можно пойти дальше и обозначить нормальную, жизнеспособ-

² См.: Lipowski A. *Towards Normality. Overcoming the Heritage of Central Planning Economy in Poland in 1990–1994*. Warsaw, 1998. P. 9.

³ См.: Gaddy C., Ickes B. *Russia's Virtual Economy* // *Foreign Affairs*. 1998. V. 77. № 5; Gaddy C., Ickes B. *A Russia's Virtual Economy*. Wash., 2002; Woodruff D.M. *It's Value That's Virtual: Bartles, Rubles, and the Place of Gazprom in the Russian Economy* // *Post-Soviet Affairs*. 1999. V. 15. № 2.

ную экономику термином *витаэкономика*. Именно последнюю и изучает современная стандартная экономическая теория (экономика в общепринятом понимании).

Чем же различаются некроэкономика и витаэкономика?

Так же как и в витаэкономике, в некроэкономике производятся некие продукты, то есть имеет место их предложение. Однако в отличие от продукта, произведенного в витаэкономике, на продукт, произведенный в условиях некроэкономики, из-за его низкого качества или неадекватной цены нет спроса. Следовательно, в условиях некроэкономики исключен сколько-нибудь рациональный акт купли-продажи, а потому, по сути дела, невозможно и существование равновесной цены.

В условиях сформировавшейся рыночной экономики те производства, которые оказываются неконкурентоспособными, а значит, и нежизнеспособными, обычно вымываются из структуры хозяйства сами собой в результате конкуренции, а вся экономика обновляется и адаптируется к постоянно меняющимся внутренним и внешним технологическим, организационным, социальным и прочим условиям функционирования. Таким образом, наличие в ней той части, которая подпадает под определение "некроэкономика", в целом не создает серьезных проблем. Именно этим можно объяснить малое внимание стандартной экономической теории к существованию некропредприятий.

Однако в странах посткоммунистического капитализма (и тем более находящихся в процессе посткоммунистической трансформации) ситуация совершенно иная: в них нежизнеспособные предприятия, доставшиеся по наследству от планового хозяйства и характеризующиеся, как правило, крайне отсталой материально-технической базой, составляют большинство и фактически определяют состояние всей экономической системы.

Соответственно в системе посткоммунистического капитализма можно выделить следующие компоненты:

- некроэкономика в государственном секторе;
- витаэкономика в государственном секторе;
- приватизированная некроэкономика;
- приватизированная витаэкономика;
- витаэкономика, созданная новыми частными инвестициями.

В первую группу входят по преимуществу крупные и средние предприятия обрабатывающей промышленности, которые производят продукцию, являющуюся (или считающуюся) стратегически важной для экономики в целом, но в текущих рыночных условиях не обладающую конкурентоспособностью.

Витаэкономике в государственном секторе в основном составляют предприятия энергетики (производство и передача электроэнергии, добыча и сбыт нефти и газа), транспорта и связи. В случае приватизации они переходят в четвертую группу – в приватизированную витаэкономику. Эта группа также может включать некоторые средние и преимущественно малые объекты промышленности (до их приватизации).

В третью группу попадают предприятия первой группы после их приватизации. Однако институт частной собственности сам по себе не может обеспечить оживления неработающих предприятий. Игнорирование этого факта является основной причиной дискредитации процесса приватизации, поскольку для возрождения некропредприятий в первую очередь нужны капиталовложения в их перестройку и модернизацию. Изменение формы собственности создает важные предпосылки для оживления инвестиционной активности, но отнюдь не гарантирует этого (особенно на его начальной стадии перехода от плана к рынку).

Последняя группа охватывает наиболее здоровую часть посткоммунистической экономики, вновь создаваемую на руинах планового хозяйства на принципах рыночной экономики и за счет частных инвестиций. Правда, и здесь есть определенные проблемы. В частности, нередко в результате иностранных инвестиций в посткоммунистические страны переносятся отнюдь не самые новые и перспективные технологии, а уже устаревшие по мировым стандартам. Произведенная на их основе продукция конкурентоспособна только на "возникающих рынках" (*emerging markets*), да и то в ограниченном интервале времени – до проникновения на эти рынки по-настоящему конкурентоспособных товаров.

ЗОМБИ-ЭКОНОМИКА – СЛЕДСТВИЕ ФИНАНСОВЫХ КРИЗИСОВ

Мировой опыт показывает, что порой мертвые фирмы существуют и даже достаточно долго сохраняются в странах с самой что ни на есть развитой экономикой. В частности, наиболее наглядные примеры дает Япония⁴. Кроме того, этот феномен весьма характерен для многих стран, относящихся к группе развивающихся. Речь идет о наличии в экономике немалого количества фирм, которые по всем нормальным рыночным стандартам должны быть признаны неплатежеспособными и фактически обанкротившимися, но тем не менее продолжают функционировать. Та-

⁴ См., например: *Hoshu F.* Economics of the Living Dead // *The Japanese Economic Review*, 2006. V. 57. № 1; *Ahearne A.G., Shimada N.* Zombie Firms and Economic Stagnation in Japan // *International Economics and Economic Policy*, 2005. № 4.

кие фирмы определяются зарубежными специалистами как зомби.

Финансовую основу их существования и функционирования обеспечивает развитая система кредитования, в частности, наличие банков, занимающихся предоставлением кредитов по процентным ставкам ниже среднерыночных⁵. За спиной таких банков, как правило, стоит правительство, которое выдает свои гарантии, осуществляет страхование депозитов, что в конечном счете приводит к появлению зомби-банков, существующих за счет налогоплательщиков. Подобная финансовая структура, по своей идее призванная смягчать социально-экономические последствия рыночной конкуренции, на самом деле зачастую стимулирует превращение здоровых фирм в зомби⁶.

Так образуется зомби-сектор экономики, который тяжелым бременем ложится на ее здоровую часть. В частности, существование зомби-фирм, обеспеченных системой льготного кредитования со стороны зомби-банков, ограничивает возможность появления на рынке новых здоровых фирм, которым кредиты приходится брать по более высоким процентным ставкам. К тому же благодаря доступу к льготному кредитованию зомби-фирмы получают неоправданные преимущества в конкурентной борьбе, имея возможность понижать цены на свою продукцию и повышать зарплату своим работникам. Тем самым возникают препятствия для выхода на рынок более продуктивных фирм, в итоге понижается эффективность всего хозяйства.

Зомби-экономика как таковая своими корнями уходит в финансовые кризисы. Как известно, в условиях стагнации экономика характеризуется застоєм производства и торговли на протяжении относительно длительного периода, что сопровождается увеличением численности безработных, снижением заработной платы и уровня жизни населения. В таких условиях правительства, как правило, путем бюджетного финансирования стараются поддержать на плаву банковскую систему и экономическую активность в целом. Однако по завершении финансового кризиса экономика получает в наследство нежизнеспособную часть, сохраняющуюся только благодаря финансовой поддержке со стороны государства.

Может создаться впечатление, что некро- и зомби-экономика – это два разных термина для обозначения одного и того же явления. В действительности такой вывод был бы поверхностным и ложным, ибо сходство этих терминов ограничивается тем, что оба основаны на констатации на-

личия в экономике мертвой, нежизнеспособной части. Различия же между ними куда более существенны.

Во-первых, речь идет о нежизнеспособных компонентах в качественно отличающихся друг от друга экономических системах: некроэкономика рождается в недрах командной экономики, а зомби-экономика – рыночной. Некроэкономика фактически не связана с финансовыми кризисами, в то время как зомби-экономика является их непосредственным следствием. Существование зомби-фирм, как уже было отмечено выше, обусловлено наличием зомби-банков, в то время как субъекты некроэкономики функционируют за счет механизмов прямой поддержки из государственного бюджета (дотаций или налоговых освобождений).

К числу различий между некроэкономикой и зомби-экономикой надо отнести и то, в каких отраслях экономики они чаще всего встречаются.

Так, некроэкономика преимущественно охватывает крупные и средние объекты обрабатывающей промышленности, в то время как зомби-фирмы, как показывает анализ японской экономики, фактически не существуют в обрабатывающей промышленности⁷. При этом чем крупнее предприятие обрабатывающей промышленности в странах посткоммунистического капитализма, тем больше вероятность, что такое предприятие является частью некроэкономики, в то время как в японской экономике крупные предприятия не являются зомби, ибо имеют большие финансовые возможности: зомби-фирмы чаще всего встречаются среди тех малых предприятий, которые являются относительно крупными.

Немаловажно то, что применительно к странам посткоммунистического капитализма такие международные финансовые институты, как Международный валютный фонд и Всемирный банк, настаивают на том, чтобы прекратить всякие дотации из государственного бюджета и исключить какие-либо налоговые освобождения. В странах со сформировавшейся рыночной экономикой, наоборот, в условиях финансовых кризисов начинает работать мощная система лоббирования в пользу того, чтобы национальные правительства предоставляли бюджетные ресурсы для поддержки финансового сектора, прежде всего – институтов, занимающихся льготным кредитованием предприятий.

Таким образом, некро- и зомби-экономика – это два родственных, но в значительной степени различающихся феномена. К сожалению, в некоторых исследованиях далеко не всегда принимаются во внимания перечисленные нами различия между некро- и зомби-экономикой, а потому изу-

⁵ См., например: *Caballero R. J., Hoshi T., Kashyap A.K. Zombie Lending and Depressed Restructuring in Japan // NBER Working Paper 12129, 2006; Smith D.C. Loans to Japanese Borrowers // Japanese International Economies, 2003. № 3.*

⁶ См.: *Hoshi T. Op. cit. P. 40.*

⁷ См.: *Hoshi T. Op. cit.*

ченне проблем стран посткоммунистического капитализма (чаще всего Китая и России) ошибочно проводится в контексте не некро-, а зомби-экономики⁸.

ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ НЕКРО- И ЗОМБИ-ЭКОНОМИКИ

Главный вопрос в отношении обоих феноменов заключается в следующем: что обуславливает их существование? Ответ можно найти исходя из эволюционной теории экономических изменений⁹. Основным в ней является понятие "рутины" (*routines*), под которым подразумеваются сформировавшиеся правила и способы поведения фирм, которые регулируют его (поведения) воспроизводство¹⁰. В русскоязычной литературе вместо термина "рутина" порой используется также термин "стереотипы".

Именно рутина, в течение многих десятилетий сформировавшаяся в недрах командной экономики, является основной причиной того, что в странах посткоммунистического капитализма мертвые предприятия пытаются по-прежнему работать в уже несуществующем режиме такой экономики. В результате склады заполняются неконкурентоспособной продукцией, а из-за невозможности ее реализации накапливаются неплатежи по заработной плате, практически безнадежные долги государственному бюджету, социальным фондам, энергетическому сектору, другим инфраструктурным предприятиям. Возникает запутанная сеть взаимной задолженности хозяйствующих субъектов¹¹.

Согласно традициям, установившимся в командной экономике, когда предприятие накапливало долги (в том числе и осознанно), его директор ставил в вышестоящих государственных органах вопрос об их списании и, как правило, достигал цели. При такой практике, когда существовала неограниченная (точнее, гарантированная) возможность списания долгов, их накопление не воспринималось как опасное для предпри-

ятий. Списание долгов является той закрепившейся рутинной, которая, к сожалению, периодически проявляется в странах посткоммунистического капитализма в различных вариациях "налоговой амнистии"¹².

Что же касается зомби-экономики, то она складывается в условиях финансовых кризисов, когда взаимоотношения между правительством и банками налаживаются для поддержки неприбыльных фирм с целью избежания более значительного спада экономики и роста безработицы. При относительно продолжительной стагнации эти взаимоотношения перерастают в сформировавшиеся правила и способы поведения фирм, которые регулируют воспроизводство этого поведения, то есть в соответствующую рутину. Здесь очень важно отметить, что продолжительность стагнации является необходимым условием для того, чтобы соответствующая рутина успела сформироваться. После завершения финансового кризиса это и обеспечивает существование зомби-экономики, так как при прочих равных условиях и безотносительно кризиса ни одно правительство не захочет как минимум увеличения безработицы, которая неизбежно вырастет в случае закрытия зомби-фирм, ибо здоровые фирмы не смогут мгновенно отреагировать и быстро создать новые рабочие места взамен потерянных.

HOMO TRANSFORMATICUS И ZOMBIE ECONOMICUS

Человеческий фактор, как правило, имеет решающее значение практически в любом экономическом процессе. Рутинная, воспроизводящая некроэкономике, обусловлена поведением того человека, который находится в состоянии перехода от сформировавшегося в условиях командной экономики *homo etaticus*¹³ или *homo soveticus* (то есть человека, подавленного государством и полностью зависящего от него)¹⁴ к характерному для рыночной системы типу *homo economicus* (то есть человека, побуждаемого мотивами которого являются получение максимальной полезности в домашнем хозяйстве или максимальной прибыли в фирме)¹⁵.

⁸ См., например: *Lindsey B. Against the Dead Hand: The Uncertain Struggle for Global Capitalism*. N.Y., 2002. P. 126, 153; *Shleifer A., Treisman D. Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*. Cambridge, 2000. P. 106–107.

⁹ См., например: *Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений*. М., 2000.

¹⁰ См.: *Мюррел П. Эволюция экономической теории и экономических реформ в странах с централизованным плановым хозяйством / Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы*. Под ред. Н.А. Макашевой. М., 1994. С. 69.

¹¹ См.: *Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики*. М., 1996. С. 256–264; *его же. Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока*. М., 2003. С. 363–369, 478–480, 484–486; *Aslund A. How Capitalism Was Built: The Transformation of Central and Eastern Europe, Russia, and Central Asia*. N.Y., 2007. P. 132–133.

¹² См., например: *Николаев И. Перспективы налоговой амнистии в России // Общество и экономика*. 2002. № 6; *Шульга Н. Опыт налоговой амнистии в Казахстане // Общество и экономика*. 2002. № 6.

¹³ См.: *Hanhinen S. Social Problems in Transition: Perceptions of Influential Groups in Estonia, Russia, and Finland*. L., 2000. P. 224; <http://books.google.com/books?id=RAzoAAAAIAAJ&q=homo+etaticus&dq=homo+etaticus&pgis=1>

¹⁴ См.: *Бузгалин А.В. Переходная экономика: курс лекций по политической экономии*. М., 1994. С. 250–253.

¹⁵ См., например: *Автономов В.С. Модель человека в экономической науке*. СПб., 1998. С. 57–201; *Бункина М.К., Семenov А.М. Экономический человек*. М., 2000.

Согласно мнению Л.И. Абалкина, “в целом для российской школы экономической мысли характерно признание примата общего, народнохозяйственного подхода над дееспособностью и мотивацией индивидуума, создания социально-политических и духовно-нравственных начал развития инициативы и предпринимательской этики”, вследствие чего неудивительно, что «отрицание концепции “экономического человека” и попыток рассматривать его изолированно от общества, от среды его обитания можно считать отличительной чертой российского мировоззрения»¹⁶.

По аналогии с концепцией “человека приспособленного” (*homo adapticus*)¹⁷ Ю. Левады, тип человека, осуществляющего процесс посткоммунистической трансформации, можно определить как *homo transformaticus*. Речь идет о человеке, который не смог полностью освободиться от страха перед государством и от привычки существования за его счет; в то же время он постепенно начинает действовать исходя из своих частных интересов достижения максимальной полезности и прибыли. *Homo transformaticus* постепенно приспосабливается к имманентным правилам рыночной экономики и при этом сам участвует в их формировании и развитии.

Когда *homo transformaticus* начинает заниматься частным бизнесом, последний приобретает свои специфические формы. Дело в том, что в условиях командной экономики рыночные отношения не были полностью исключены, хотя и подавлялись государством. Даже тогда в отдельных случаях имело место использование элементов рыночной экономики, что создавало теневой сектор. Именно этим можно объяснить то, что директора предприятий, использовавшие в своем поведении элементы рыночного типа, назывались не предпринимателями, а дельцами.

После крушения командной экономики эти люди в большинстве случаев сумели сохранить свои позиции в экономике¹⁸, в результате приватизации став основными, а зачастую единственными собственниками соответствующих предприятий¹⁹. Естественно, в управлении ими неизбежно сказывалось прежнее мышление²⁰. Как *homo*

transformaticus не могут сразу превратиться в *homo economicus*, так и дельцы, выросшие в командной системе, не способны в одночасье стать рыночными предпринимателями. В научной литературе для *homo transformaticus*, действующих в предпринимательской сфере, даже введено понятие “пост-дельца”. Именно “пост-дельцы” стоят за спиной некроэкономики как в государственном, так и частном секторе, именно они являются инициаторами и носителями поведения, соответствующего рутине командной экономики. Используя старые связи, они проникают во все государственные структуры, стараясь политически оправдать и продлить существование некроэкономики.

Однозначно можно сказать, что некроэкономика служит интересам “пост-дельцов”, и пока в результате реальных институциональных реформ они не будут замещены настоящими предпринимателями-рыночниками, некроэкономика всегда будет иметь почву для существования.

Ключ к пониманию рутины зомби-экономики дает теория общественного выбора Джеймса Бьюкенена, согласно которой политика трактуется как особая разновидность рынка²¹. В условиях финансовых кризисов вырабатывается такая экономическая политика, когда, с одной стороны, высшей целью правительства провозглашается его вмешательство в экономику с целью ее вывода из кризисной ситуации, а с другой – государство вольно или невольно способствует реализации частных интересов тех экономических субъектов, которые из-за кризиса оказались на грани банкротства.

Как было отмечено выше, рутина зомби-экономики является продуктом рыночной экономики в условиях финансового кризиса. Следовательно, носителем этой рутины является не просто *homo economicus*, а такой его мутант, который сформировался в процессе приспособления, адаптации к деформированным из-за финансового кризиса условиям функционирования рыночной экономики. Такого мутанта, по нашему мнению, наиболее точно характеризует термин *zombie economicus*.

КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НЕКРО- И ЗОМБИ-ЭКОНОМИКИ?

Отрицательное влияние некроэкономики на развитие стран посткоммунистического капитализма не вызывает сомнения. Следовательно, необходимо выявить и задействовать тот механизм, который решит эту проблему путем повсеместного распространения рыночных принципов. С этой

²¹ См.: Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики / Бьюкенен Дж. Сочинения. М., 1997.

¹⁶ Абалкин Л.И. Поиск самоопределения. Отечественная школа экономической мысли на рубеже веков // Независимая Газета – Политэкономика. 05.11.2000.

¹⁷ См.: Левада Ю.А. “Человек приспособленный” // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 5 (<http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/12/02/0000296966/02levada-7-17.pdf>).

¹⁸ См.: Åslund A. Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed. Wash., 2007. P. 137–140.

¹⁹ См.: Ослунд А. “Рентоориентированное поведение” в российской переходной экономике // Вопросы экономики. 1996. № 8.

²⁰ Некителов А. Проблемы управления экономикой в трансформируемом обществе / Социально-экономические модели в современном мире и путь России. Книга 1. Под ред. К.И. Микельского. М., 2003. С. 127.

целью государство должно максимально содействовать укреплению и расширению частного сектора, созданного исключительно на основе частных инвестиций. Государство должно заботиться о создании стабильной политической и макроэкономической среды, в которой за счет частных инвестиций будут возникать новые фирмы. Рутинная формирующаяся в этой группе фирм, по своему характеру будет рыночной и со временем заменит ту, которая господствовала в командной экономике и воспроизводит некроэкономические тенденции.

Основным приоритетом экономической политики посткоммунистического государства должно стать сужение ареалов первой и третьей групп за счет максимального расширения пятой группы. Даже те фирмы из этой группы, которые создавались за счет "второсортных" инвестиций, при надлежащей законодательной базе практически не смогут стать источником некроэкономики, поскольку действуют по принципам витаэкономики. Соответствующая им рутинная при потере конкурентоспособности такой фирмы должна обеспечить ее относительно безболезненный выход с арены.

Что же касается второй и четвертой групп, то независимо от того, принадлежат ли предприятия государству или уже приватизированы, им безотлагательно требуются новые инвестиции. Их можно получить за счет продажи доли собственности или путем передачи права управления на долгосрочный период стратегическому инвестору; в противном случае значительно возрастает вероятность того, что витаэкономика второй и четвертой групп перерастет в некроэкономическую соответственно первой и третьей групп.

Как отмечалось выше, приватизация сама по себе вовсе не приводит автоматически к уничтожению некроэкономики. Следовательно, для обеспечения функционирования стратегических по своему назначению предприятий из первой группы у государства есть только один выход: проведение открытых (в том числе международных) тендеров с целью выявления стратегических инвесторов, которым на долгосрочной основе будет передан тот или иной некрообъект (а скорее, право начать соответствующее стратегическое для данной страны производство на его месте).

Абсолютно никакой перспективы нет у третьей группы – приватизированной некроэкономики. Теоретически ясно, что механизм уничтожения некроэкономики связан с законодательством о банкротстве. Опыт многих посткоммунистических стран показывает: хотя там имеются соответствующие законы, они, к сожалению, практически являются мертворожденными, поскольку не вписываются в реальную институциональную среду бизнеса.

То, что происходит с законом о банкротстве, например, в Грузии – стране со значительным бременем некроэкономики²², является наглядным подтверждением пагубности практики бездумной имитации западных оригиналов²³. В результате в странах посткоммунистического капитализма институты, создаваемые для развития рыночной экономики, зачастую оказываются абсолютно нежизнеспособными, а в худшем случае могут инициировать и негативные эффекты. Не зря такой авторитетный экономист, как Дж. Стиглиц, в последнее время справедливо критикует МВФ за навязывание опекавшимся им в 90-е годы прошлого века посткоммунистическим странам форсированного и в то же время упрощенного подхода к институциональным реформам, в результате чего там был искажен процесс утверждения рыночной экономики²⁴.

К сожалению, приходится констатировать, что и в развитых странах дела обстоят не лучше, чем в странах посткоммунистического капитализма. В частности, явно наблюдается тенденция усложнения юридического оформления фактического состояния банкротства.

СОВРЕМЕННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС И ZOMBIE ECONOMICUS

В контексте современного финансового кризиса актуализировалась тема наступления зомби-фирм на экономику в мировом масштабе²⁵. За рубежом появились публикации о новой области экономики – "зомбиномике" (*zombie-nomics*)²⁶.

То, что многие развитые страны прибегают к специальным правительственным программам помощи частным финансовым институтам, а порой и некоторым фирмам реального сектора, явно создает угрозу формирования рутины зомби-экономики. Она может стать вполне реальной, если финансовый кризис будет настолько продолжительным по времени, что успеет сформироваться рутинная зомби-экономика.

Если всего несколько лет назад существование феномена зомби-экономики в США наотрез отрицалось, то в последнее время все чаще говорит-

²² См.: Папова В., Гокмазишвили М. Фундамент некроэкономики и развитие деловой активности в постреволюционной Грузии // Кавказ & Глобализация. 2007. Т. 1 (4).

²³ См.: Шаванс Б., Маньян Э. Постсоциалистические траектории и западный капитализм // МЭ и МО. 1999. № 12.

²⁴ См.: Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетнему началу переходных процессов) // Вопросы экономики. 1999. № 7.

²⁵ См., например: Stepek J. How Zombie Companies Suck the Life from an Economy // MoneyWeek. 18.11.2008; <http://www.mni.nikkei.co.jp/FR/TNKS/Nni20090103D03HH300.htm>

²⁶ См.: LeLandu L. Zombie Economics? // The Development Executive Group. 13.01.2009.

ся о такой опасности²⁷. Первые признаки движения в сторону зомбирования банковского сектора появились там даже до начала нынешнего финансового кризиса, когда правительство путем субсидирования стимулировало страхование ипотечных кредитов банков для низкодоходных слоев населения.

Некоторые эксперты отмечают, что если в Японии правительство поддерживает зомби-фирмы через зомби-банки, то в США такая поддержка намечается напрямую, хотя в обоих случаях результаты должны быть одни и те же²⁸. Опасность формирования зомби-экономики стала реальной также для Канады²⁹ и некоторых стран ЕС³⁰.

В странах посткоммунистического капитализма современный финансовый кризис также способствует разработке программ государственной поддержки бедствующих банков и фирм. Активизировались проекты создания специальных государственных институтов (банков) с целью осуществления долгосрочного льготного кредитования и инвестирования³¹.

Несмотря на то, что экономическая теория и мировой практический опыт доказывают пагубный характер государственного льготного кредитования экономики³², и развитые страны (о чем говорилось выше), и страны посткоммунистического капитализма вновь и вновь прибегают к этому инструменту противостояния финансовому кризису, что в конечном счете способствует формированию рутины зомби-экономики.

В отличие от развитых стран, над которыми в условиях финансового кризиса реально нависла угроза зомбирования экономики, для стран посткоммунистического капитализма эта угроза еще более отягощена из-за наличия некроэкономики. В условиях финансового кризиса последнее дает

о себе знать именно значительным спадом промышленного производства, что вовсе неудивительно, если учесть состояние его материально-технической базы.

В условиях глобального финансового кризиса в странах посткоммунистического капитализма фактически происходит зомбирование даже некроэкономики, что крайне усугубляет ситуацию. Проблема в том, что, если, согласно японскому опыту, зомби-экономика не коснулась обрабатывающей промышленности, то некроэкономика сосредоточена именно в ней, в результате чего ее зомбирование означает зомбирование уже мертвой отрасли. Прежде всего это может привести к тому, что вместо превращения *homo transformativus* в *homo economicus* мы получим *zombie economicus*, что сделает еще более сомнительным экономическое будущее стран посткоммунистического капитализма.

* * *

Феномен мертвой части экономики не чужд странам с развитой экономикой: финансовый кризис способствует формированию рутины, которая обеспечивает стабильность государственной поддержки через банковскую систему фактически обанкротившихся фирм. В результате создается сеть зомби-банков и зомби-фирм, создающая систему зомби-экономики.

Опасность зомбирования экономики еще в большей степени угрожает странам посткоммунистического капитализма, где полученный в наследство от прежних времен некроэкономический сектор оказался слишком живучим и именно он зачастую определяет общесхожественную ситуацию. Носителем рутины некроэкономики здесь является *homo transformativus* – человек, трансформирующий экономику и все общество в направлении капиталистических ценностей и при этом сам трансформирующийся в том же направлении.

Единственным действенным механизмом избавления как от некроэкономики, так и зомби-экономики является максимальное задействование законодательства о банкротстве, для чего необходимо наличие соответствующей политической воли управляющей элиты.

Ключевые слова: глобальный финансовый кризис, посткоммунистический капитализм, рыночная конкуренция, государственное регулирование, списание долгов, банкротство, витекономика, некроэкономика, зомби-экономика.

²⁷ См.: *Coy P.* A New Menace to the Economy: 'Zombie' Debtors // *BusinessWeek*. 15.01.2009; *Krugman P.* Wall Street Voodoo // *The New York Times*. 18.01.2009; *Pesek W.* Jay Leno Tells Asia about Detroit's Zombies // *The Wall Steer Journal*. 17.11.2008; *Wong T.* Can U.S. Escape Zombie Economy's Clutch? (<http://www.thestar.com/comment/columnists/article/511664>).

²⁸ См.: *Hoshi T.* Year of the Zombie // *Roubini Global Economics*. 21.01.2009 (http://www.rgemonitor.com/asia-monitor/255220/year_of_the_zombie).

²⁹ См.: *Poschmann F.* Beware of Zombies // *Financial Post*. 26.01.2009 (<http://network.nationalpost.com/np/blogs/fpcomment/archive/2009/01/26/beware-of-zombies.aspx>).

³⁰ См.: *Kelly M.* Our Zombie Nation and Zombie Banks // *Machine Nation*. 28.10.2008 (<http://machinenation.forumakers.com/economy-business-and-finance-18/morgan-kelly-our-zombie-nation-and-zombie-banks-t1496.htm#43586>); *Schnittger F.* Ireland's Zombie Economy // *European Tribune*. 14.01.2009 (<http://www.eurotrib.com/?op=displaystory;sid=2009/1/14/113437798>).

³¹ См.: *Данилишин Б.* Экономика Украины: жизнь после кризиса? (<http://www.zn.ua/2000/2020/65131>).

³² См., например: *Хэллитт Г.* Типичные ошибки государственного регулирования экономики. М., 2000. С. 22–28.